

Анастасия Таммен

7 фруктов
под килем

18+

Ты — мой якорь

Звездная коллекция молодежной прозы

Анастасия Таммен

7 футов под Килем

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.111-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Таммен А.

7 футов под Килем / А. Таммен — «Издательство АСТ»,
2023 — (Звездная коллекция молодежной прозы)

ISBN 978-5-17-160572-8

ЛУИЗА тонет в воспоминаниях. Всего одна ошибка отняла у нее не только подругу, но и веру в будущее. Организация выпускного – последний шанс вернуть контроль над собственной жизнью. Но без поддержки Никласа у нее ничего не получится. НИКЛАС пообещал себе, что никому не доверит свое сердце, ведь он видел, сколько боли может причинить любовь. После смерти отца у него остался только спорт и мечта о полицейской академии. Пока не появилась Луиза.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160572-8

© Таммен А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анастасия Таммен

7 футов под килем

© Анастасия Таммен, 2023

© ITA GOTDARK, иллюстрация на обложке

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Посвящается моему мужу

Глава 1

Ник

Полицейская машина стояла перед главным входом прямо посреди школьного двора, между обшарпанными скамейками и слегка завалившимся на бок столом для пинг-понга. Я сидел на ступеньках, рассматривал потухшие мигалки на крыше автомобиля и слизывал кровь с разбитой губы.

Третий вызов полиции за полгода. Я побил собственный рекорд. Адреналин схлынул, как волна после прибой, оставляя после себя только бессилие и притупившуюся злость.

– Слушай, чувак, может, свалим отсюда? – Йоханн присел рядом.

Друг слегка толкнул меня локтем, чтобы я подвинулся, и выдохнул в лицо облако сигаретного дыма. Я скривился от мерзкого запаха. Когда-нибудь я выбью из этого низкорослого придурка привычку курить.

– Они знают, где я живу. Либо сейчас заберут в полицейский участок, либо из дома. Разницы никакой...

Йоханн глубоко затянулся, тоже уставившись на полицейскую машину.

– Думаешь, тебя посадят?

Я пожал плечами.

– Вряд ли. Скорее, отправят на общественные работы.

– Я могу попросить родителей вступить за тебя, – неуверенно протянул Йоханн. – Не знаю, что это даст, но можно попробовать.

Его родители были замечательными людьми. Шестнадцать лет назад они, этнические немцы, бросили всех и вся в родной Сибири и переехали в Германию, чтобы дать единственному сыну шанс на лучшее будущее. Но, вырванные из родной среды, они так толком и не прижились, крутились среди таких же поздних переселенцев и большую часть времени говорили по-русски. Плохо представляю, каково им было на первых порах. Я полгода провел в приемной семье, лишенный всего, что любил, и мне хватило этого опыта на целую жизнь.

– Не впутывай их в мои проблемы. Я накосячил, мне и расхлебывать.

Ради Йоханна они бы сказали что угодно. Даже что это они набили морду Свену и разнесли в щепки школьные шкафчики.

Дверь за спиной распахнулась, и я медленно обернулся. Майк, огромный широкоплечий полицейский в темно-синей форме и с пышными черными усами, хмуро уставился сначала на меня, потом на Йоханна и в итоге задержал взгляд на сигарете, зажатой между зубами друга. И молчал так до тех пор, пока сигарета не оказалась на холодной земле, припорошенной снегом.

– Убери потом окурок, – сказал Майк и повернулся ко мне. – Никлас – за мной.

Я кивнул Йоханну на прощанье и пошел к машине. Развалился без приглашения на переднем сиденье и стал ждать, когда Майк займет место водителя. Все как и два года назад, когда он приехал за мной в школу, чтобы объявить о смерти своего напарника. Моего отца. Только сегодня Майк точно не будет со мной сюсюкать.

Но вот он захлопнул дверь, пристегнулся и косо посмотрел на меня. Я закатил глаза, защелкнул свой ремень безопасности и демонстративно подергал за него. Зануда. Мы выехали с территории школы, влились в поток машин на одной из главных улиц Любека, а буря все не начиналась. Майк угрюмо смотрел на дорогу, вцепившись в руль. Карие глаза сузились до щелочек, темная щетина не скрывала красных пятен гнева на щеках. Он был недоволен мной. Но я сам все понимал, незачем наказывать меня молчанием, как маленького ребенка. Спустя минут десять я не выдержал.

– Если тебе нечего сказать, то останови машину, я выйду.

Майк так резко вдарил по тормозам, что в нас чуть не врезался идущий позади «Фольксваген». Полицейская машина затарахтела и запрыгала, шины противно закрипели об асфальт. Я быстро выставил ладони вперед, чтобы не стукнуться лбом о бортовую панель.

– Водительские права тебе подарили вместе с полицейской формой? – съязвил я.

Распрямылся и потянулся, чтобы отстегнуть ремень безопасности, но тут же замер, когда Майк замахнулся. Я не вжал голову в плечи, а с вызовом посмотрел ему в глаза. Затрещиной меня не испугаешь. И все лучше, чем дебильное молчание. Но прошло еще одно мгновение, и Майк махнул на меня рукой, отвернулся и вновь нажал на газ. Мы двинулись по набережной Траве прочь от той части города, где находился его полицейский участок. Я почувствовал странную смесь облегчения и стыда.

– Вроде взрослый парень, а мозгов кот наплакал, – сказал Майк, качая головой. – Ты что думаешь, тебя за красивые глаза на спортивную программу в полицейскую академию возьмут? Да черта с два, Ник! Знаешь, сколько ребят пытаются туда прорваться? Сотни человек на одно место! Помимо спортивных достижений нужно иметь хорошее личное дело, рекомендации учителей и нормальный аттестат. А у тебя одна драка за другой! Порча школьного имущества! Третий вызов за полгода! Третий!

С каждым словом его голос становился громче, и я снова начал заводиться.

– Сам знаю! – оцетинился я.

Полицейская академия была моим единственным шансом на нормальное будущее. Я горел академической греблей, любовь к которой мне привил отец, а шансов заниматься ей на профессиональной основе имелось всего два: в университете или в полицейской академии. На студенческую стипендию я не проживу, даже на то, чтобы снимать квартиру, не хватит, да и оценки оставляли желать лучшего. А вот в академии действовала специальная федеральная программа для спортсменов: хорошее финансирование и учебный план позволяли готовиться к Олимпийским играм, параллельно получая профессию полицейского и отличную зарплату. Идеальный вариант для таких нищобродов, как я.

– Тогда нахрена ты сломал нос однокласснику? – заорал Майк.

– Потому что он... – взорвался я, но в следующее мгновение замолчал и облизал разбитую губу.

– Что он?..

– Ничего.

– Ник, тебя исключили из школы! – взревел Майк. – Ис-ключи-ли! – Он произнес слово по слогам, будто забивал гвозди в гроб. – Объясни, какого черта там случилось, или я палец о палец больше не ударю, чтобы спасти твою задницу.

Я опустил взгляд на протертые на коленях джинсы, заметил засохшие капли крови. Заскрипел зубами от злости на самого себя. Лишиться аттестата за полгода до выпускного означало упустить шанс заниматься греблей профессионально. Черт! Не думал, что слюнятя Беренс пойдет на такой шаг. Сейчас вся надежда только на Майка.

– Свен растрепал на всю школу, что видел мою мать у «Канавы Ангелов». В стельку пьяную, полуголую. В компании двух мужиков. – К горлу подкатила тошнота. Саднящие кулаки зачесались. – Я заставил Свена заткнуться.

Майк выругался.

– Это правда?

Я пожал плечами.

– Думаю, что да. Она три дня дома не появлялась.

– Почему не позвонил мне?

Я начал отковыривать засохшую кровь с джинсов, лишь бы занять руки и не смотреть Майку в глаза.

– Ты ее знаешь.

После смерти отца мама начала пить. Все произошло незаметно: сначала пара бокалов вина, потом – пара стопок виски, потом – бутылки. Ее выгнали из ресторана, где она работала администратором, а вдовья пенсия утекала сквозь пальцы и оседала в магазине «Вивино» и пабах. Каждое утро начиналось с того, что я собирал пустые бутылки с кухонного стола, чтобы было куда поставить миску с хлопьями.

Спустя полгода сердобольные соседи растрепали о нас всем вокруг, маму уpekли в государственную реабилитационную клинику, а мне – шестнадцатилетнему – гребаные бюрократы не позволили жить одному. Майк пытался забрать меня к себе, но ему отказали: не женат, маленькая жилплощадь, опасная профессия. И плевали они на то, что он был единственным, кому до меня было дело. Они нашли в своих правовых документах отмазки и засунули меня, как щенка, на передержку к семье с восьмью такими же неудачниками, как я. Там меня и научили драться.

Когда мама завершила лечение, то сразу забрала меня из того гадюшника, и я даже поверил, что все придет в норму. Не пришло. Уже через пару недель она купила бутылку вина, но на этот раз я научился лучше скрывать наши проблемы и составил план: дотерпеть до совершеннолетия, закончить школу, поступить в полицейскую академию и оплатить маме лечение в частной клинике в Гамбурге. Я не знал, поможет ли ей, но должен был верить, ведь ничего другого мне не оставалось. Но и тут не сложилось, потому что Свен не мог держать язык за зубами, а я – свои кулаки при себе.

Что теперь будет?

Я поднял взгляд на Майка, который с печальной миной на лице смотрел на меня. Оказывается, машина была припаркована на стоянке перед Старой гимназией в десяти минутах ходьбы от реки Траве, в самом центре Любека. Здание было древним, из темного кирпича, с позеленевшей от времени крышей. Никакого забора из проволоки, никаких граффити.

– Что мы здесь делаем? – спросил я.

– Ты идешь бегать вокруг школы. Не забывай, в конце января первый этап отбора в академию. Тебе нужно тренироваться. Пять километров сами себя не пробегут.

– Но...

Майк не дал мне договорить.

– А я иду к директору. В этой гимназии вековые традиции и своя лодочная станция с лучшим оборудованием только для учеников гимназии. Их команда по гребле неизменно занимает призовые места на соревнованиях.

– Но...

– Выметайся из машины. – Он посмотрел на часы. – Моя смена закончилась два часа назад, я не спал больше суток.

Послушно выбравшись из машины, я снял куртку и кинул ее на сиденье. Закатал рукава свитера и побежал вдоль школы. Для полноценного стадиона в центре города места, видимо, не нашлось, поэтому я наматывал круги вдоль дороги от детской библиотеки до церкви Св. Екатерины, пытаясь игнорировать прохожих, которые заметно шугались из-за моего разбитого лица. Морозный январский ветер хлестал по щекам, я даже перестал чувствовать боль от ссадин и ушибов. Мой взгляд скользил по стенам гимназии: благородно потемневший и потрескавшийся кирпич, большие окна с белыми реечками и вековые дубы перед входом. Чертов Хогвартс, не иначе. Однако главное – это лодочная станция. Вот бы Майку удалось пристроить меня сюда... А если не удастся?

Я замедлил шаг и сел на скамейку перед входом в школу. Без аттестата меня не возьмут в полицейскую академию, даже если мне удастся пройти все три этапа отбора. Кандидаты должны быть выносливыми, хорошо образованными, стрессоустойчивыми, дружелюбными, с образцово-показательным личным делом. Ничего удивительного, что только один из ста соискателей проходит отбор.

Понурился, я рассматривал носки своих потрепанных кроссовок. На хрена я полез к Свену, когда до выпускного всего полгода? Почему не промолчал? Ведь мне и не такое приходилось терпеть.

Когда из школы вышел Майк и направился ко мне, я остался сидеть на скамейке, пытаюсь угадать по его лицу, удалось ему спасти мое будущее или нет. Меня до чертиков нервировала его невозмутимая физиономия. Наконец встав напротив меня, он шумно выдохнул и отрицательно покачал головой.

Твою ж мать!

Со всей дури я стукнул кулаком по деревянным брускам скамьи. Дерево выдержало, зато и без того разбитые костяшки занули с новой силой. Ужас тискалами сжал внутренности. Все, мне конец. На меня навалилась такая тоска и безысходность, что даже вздохнуть было больно.

– Запомни это чувство, Ник, – спустя время нарушил тишину Майк. – Именно так ты будешь ощущать себя, если еще раз оступишься.

– Что? – ошарашенно переспросил я, вскинув голову.

Наглая улыбка изогнула губы Майка.

– Я смог договориться с герром Шредером. Тебя примут в гимназию. Но учти: одно слово, и ты снова окажешься на улице. И в этот раз – навсегда.

Я вскочил на ноги, захлебываясь от накатившей эйфории, толкнул Майка ладонями в грудь, но потом обнял до треска в ребрах.

– Сукин сын, – засмеялся я.

Майк обхватил меня сзади за шею и заставил посмотреть ему в глаза.

– Это последний шанс. Понял?

– Да.

Глава 2

Лу

Рука Патрика скользнула под платье. Наконец-то. Мне казалось, что прошла уже целая вечность с тех пор, как мы поднялись в его комнату и он повалил меня на кровать. Разгоряченная после трех стаканов глинтвейна, теряясь в музыке, сотрясавшей его дом, я плотнее закрыла глаза. Иногда я представляла, что целуюсь не с Патриком, моим парнем, а со Стивом, которого сыграл Мэттью Макконахи в фильме «Свадебный переполох».

– Лу! – раздался разгневанный голос Эммы с другой стороны двери.

Я разочарованно застонала.

– Луиза!

Кто-то толкнул меня в плечо. Я заморгала и поняла, что стою на третьем этаже в коридоре школы перед шкафчиком, в котором хранились мои учебники. Только сейчас, после двух недель зимних каникул, до меня дошло, что слева от моего шкафчика находился шкафчик Эммы. С пятого класса, как только вместе перешли в старшую школу, на каждой перемене мы стояли тут рядышком, придумывали тему для следующей вечеринки и планировали открыть ивент-агентство после выпускного наперекор ее родителям.

Интересно, успели ли они уже забрать ее вещи из шкафчика? Я знала код, могла открыть и проверить, но руки задрожали. Было страшно увидеть зияющую пустоту.

Так и не дотронувшись до замка, запихнула зимнюю куртку в свой шкафчик и оглянулась по сторонам. К счастью, Патрика нигде не было видно. Глупо было надеяться, что мы больше никогда не столкнемся, учитывая, что наши младшие братья друзья не разлей вода, наши отцы работают вместе, а мы с ним учимся в одном классе. И все-таки я натянула капюшон толстовки и опустила глаза в пол. Еще одного публичного выяснения отношений, как на похоронах, я просто не переживу.

Я направилась на урок литературы. По пути к кабинету у доски объявлений собралась толпа ребят, и я вся сжалась, боясь заметить среди них Патрика, но вдруг чей-то голос заставил меня остановиться.

– Какая нелепая смерть.

Поднявшись на цыпочки, я увидела, что именно рассматривали школьники на доске объявлений. По центру висел черно-белый портрет блондинки с острыми чертами лица и пронзительным взглядом. Нижний правый угол фотографии по диагонали пересекала черная полоса. Сердце пропустило удар. Окружающий мир потерял былую четкость.

– Лу, выходи немедленно!

Я крепче обняла Патрика, и он впился жадным поцелуем в мои губы.

Эмма забарабанила кулаками по двери.

– Луиза Мария Штарк! Немедленно выходи, иначе я сломаю эту дверь.

Патрик, отпрянув, закатил глаза.

– Кто-нибудь может угомонить твою подружку?

Я хмыкнула и замотала головой.

– Нет. Эмма слишком упрямая.

– Но мы же на самом интересном месте...

Патрик склонился ко мне, чтобы опять поцеловать, но Эмма с новой силой забарабанила в дверь. Было бесполезно игнорировать ее – она никогда не сдавалась. Я уперлась ладонями в плечи Патрика, оттолкнула его в сторону, встала с кровати и спустила платье ниже ягодиц.

– Она когда-нибудь от тебя отстанет? – проворчал Патрик.

– Ты же знаешь – где я, там и Эмма. – И, повернувшись в сторону двери, крикнула: – Да иду я!

На прощанье послала Патрику воздушный поцелуй. Он сел на кровати и сделал вид, что поймал его. Губы Патрика горели, грудь вздымалась, а пшеничного цвета волосы растрепались. Мне нравилось, что рядом со мной он терял голову.

Я повернула ключ в замочной скважине и открыла дверь. На пороге, пыхча, как дракониха, стояла Эмма. Голубые глаза метали молнии. И чего она взъелась на меня?

– Не могла минут пятнадцать подождать? – буркнула я, расправляя платье на бедрах.

– Ты на часы смотрела? – зашипела Эмма. – Уже пол-одинадцатого! Мне родители голову оторвут! Мы же договорились в десять уехать?!

– Твою ж налево... – только и смогла выговорить я.

Ее родители были исчадьями ада – чуть что, сразу домашний арест и блокировка телефона. А у нас на зимние каникулы столько дел: в миллионный раз пересмотреть «Свадебный переполох», составить окончательный план на выпускной, утвердить место для его проведения, выбрать цветы... Я схватила ее за руку и бросилась к лестнице.

– Бежим!

Пронзительный звон разорвал воспоминание, сообщая о начале первого урока. Пошатываясь, я добрела до кабинета, зашла внутрь, окинула взглядом класс. Патрика не было, и только тогда я вспомнила, что он собирался в Австралию на какие-то там очередные соревнования для серферов. Может, он еще не успел вернуться? Как бы то ни было, я выдохнула с облегчением. Вдруг мне улыбнется удача, и он решит там остаться?

Парта во втором ряду у окна осталась свободной. Наша с Эммой парта. Никто не решился занять ее. Кожей ощущая на себе пристальные взгляды одноклассников, но изо всех сил игнорируя их, я села на свое место у окна, бросила рюкзак на пол и уставилась на бежевый пластик столешницы.

Проклятье.

У краешка стола на самой середине парты было вырезано сердечко, а внутри него – «Л + Э = друзья навеки». Кажется, мы нарисовали его в седьмом классе. Буквально вырезали в неподатливом пластике шариковыми ручками. Навеки...

Мы пробежали мимо гостиной в доме Патрика, где танцевали наши одноклассники, выскочили на крыльцо и застыли в ужасе. Глаза застлала пелена дождя.

– Какого черта? – спросила я.

Снаружи, где не грохотала музыка, мой голос звучал слишком громко и ужасно хрипло.

– Немецкая зима, а ты как хотела?!

Эмма застегнула куртку и сбегала по ступенькам на подъездную дорожку. Я не решилась следовать за ней. Мне совсем не нравилась идея свалиться с воспалением легких, катаясь на велике в декабре под дождем.

– Эмма, давай позвоним родителям и попросим нас забрать? – окрикнула я подругу.

– Ты первый день живешь, что ли? – не оборачиваясь, ответила Эмма. Она уже добралась до горы велосипедов и раскидывала их в стороны, чтобы найти свой. – Одно дело – они знают, что мы где-то тусуемся, а другое дело – видят, как именно это происходит.

Чертыхнувшись, я натянула капюшон и ринулась к подруге. Нашла свой велик и вскочила на него. Мы выехали на дорогу и принялись изо всех сил жать на педали. Дождь продолжал лить, я быстро моргала, фыркала и трясла головой, но ничего толком не видела.

– Эмма, поехали по Лаксвег! Там есть фонари!

– Ни в коем случае! – отрезала она. – Мы потеряем двадцать минут! Сворачивай направо! Мы срежем!

Эмма вырвалась вперед, я пыталась не отставать. Мы ехали по самому краю однополосной дороги, слева и справа черной стеной высились деревья, где-то впереди должен был

быть еще один поворот. Тут не было ни пешеходной дорожки, ни светофора, а лампа на моем велосипеде из-за дождя освещала не больше трех метров перед собой.

Моя нога соскочила с мокрой педали, я потеряла равновесие и прыгнула с велосипеда.

– Черт! – разозлилась я.

Вытерла лицо ладонью, села на велик и поняла, что Эмма пропала из виду, видимо, уже скрывшись за поворотом.

– Эмма! – крикнула я.

Тишина.

Загрохотал гром. Пульс ускорился. Я прижалась грудью к рулю. В следующую секунду меня ослепил свет фар, пробившийся сквозь деревья, и оглушил крик Эммы. Я соскочила с седла и, не задумываясь, бросилась бежать. Мой велосипед с металлическим скрежетом грохнулся на асфальт за моей спиной. На каждый метр мне требовалось больше сил, чем когда бы то ни было. У меня горели легкие и звенело в ушах.

– Эмма!

Я добежала до поворота и резко остановилась. Снова попятилась и прекратила дышать. В свете фар брошенной на дороге машины какой-то мужчина сидел на земле и держал на руках неподвижную Эмму.

Глава 3

Ник

Завтра меня ждал первый день в новой школе. Майк настоял, чтобы я подождал неделю и дал синякам сойти. Распугивать учителей и одноклассников разбитой мордой было, по его мнению, так себе затеей. Я вернулся домой лишь в одиннадцать вечера, откатав положенные два часа на гребном тренажере. Зимой, пока погода не позволяла плавать на лодке, приходилось тренироваться в районном спортивном клубе, где месячный взнос в пять евро мне был по карману. Старый гребной тренажер противно скрипел, но мне нужно было поддерживать форму до начала нового сезона. И как можно позже возвращаться домой. Я никогда не знал, что меня там ждет: смертельная тишина или пьяная вечеринка.

От усталости я еле волочил за собой спортивную сумку. В коридоре было темно и тихо. Я кинул сумку на пол и прошлепал на кухню, где горел свет. Мать отрубилась, сидя на стуле и уткнувшись лбом в стол. Руки плетью свисали вдоль тела. Темные волосы до плеч с седыми прядками напоминали прошлогоднее гнездо дрозда. Маме бы в парикмахерскую сходить... Когда отец был жив, она следила за собой, была настоящей красоткой. Его сослуживцы провожали ее голодными взглядами. Сейчас же в замызганных легинсах и растянутой кофте она выглядела жалкой.

– Мам. – Я потрепал ее за плечо. – Мам, иди в кровать.

Она всхрапнула, но не проснулась. На столе стояла опустевшая бутылка виски и один стакан. Как бы эгоистично это ни звучало, но я радовался, когда она пила в одиночестве, потому что никто не буйнил в квартире, и мне удавалось выспаться.

– Мам, – тшечно повторил я.

Убрал виски в шкаф и ополоснул стакан. В самом начале я выливал любое пойло в раковину, но потом смирился. Мать все равно пойдет и купит новую бутылку, а тут экономия.

Я подхватил маму на руки. Она была тяжелой, бесформенной, похожей на раненую касатку, выброшенную на берег. Она даже дышала с трудом, будто погибала под тяжестью собственного горя. Крепче прижав ее к груди, я осторожно отнес ее в спальню и уложил в кровать. Укутал одеялом, убрал волосы с лица. Она повернулась на бок, обняла подушку и осипшим голосом прошептала:

– Ох, Лиам...

Меня точно под дых ударили. Прошло два года, а мама продолжала цепляться за отца. Черт, да когда же это закончится? Я попятился, вышел из спальни, схватил рюкзак и куртку, выбежал из квартиры, вниз по лестнице, запрыгнул на велосипед и помчался как можно дальше от дома, где не было ничего, кроме горя.

Ночь я провел в гавани, где река Траве впадала в Балтику. Там находилась маленькая кофейня «Морской волк», в которой я подрабатывал вот уже около полугода, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. В старой школе я прогуливал первые уроки, чтобы отработать нужное количество часов, но со следующей недели я уговорил шефа перекинуть меня на выходные.

Моя смена начиналась в пять утра, поэтому шеф после испытательного срока выдал мне ключ от кофейни. Уверен, Ханс бы тут же уволил меня, если бы узнал, что я иногда ночью в кофейне, но деваться мне было некуда. Чем меньше людей знало о моих проблемах, тем лучше.

Сварив себе кофе, я составил кресла и устроился перед панорамным окном. Мачты яхты мерно покачивались в бледном свете луны и напоминали о том времени, когда у меня была счастливая семья. Каждый год мы с родителями ездили на Кильскую регату. От Любека до Киля за сорок минут добирались на машине, а там папа брал напрокат парусную лодку, и мы присоединялись к сотням кораблей и яхт, участвовавших в «Параде старых посудин». Причем

некоторые из них были не просто старыми, а по-настоящему древними – сто лет и больше. Я тарасился на них во все глаза и мечтал стать лихим яхтсменом.

Как же мне не хватало отца...

В Старую гимназию я приехал к половине восьмого. Вообще пунктуальностью я не отличался, когда дело касалось школы, но Майк с меня бы три шкуры содрал, если бы узнал, что я опоздал в первый день. Небо уже начало светлеть, но основным источником света все еще оставались кованые фонари вдоль улицы.

Я защелкнул замок на велосипеде и прошел мимо парковки, на которой красовались тачки одна круче другой. Все блестящие, новехонькие, будто только сошедшие с конвейера. Чьи дети здесь учились? Еще неделю назад я бы ни за что не поверил, что окажусь среди этих снобов. Мне было не по себе, ведь я был здесь чужим, но мысль о лучшей в городе лодочной станции и заветном аттестате заставила меня зайти внутрь.

В фойе, поймав за шиворот первого попавшегося паренька, я узнал, где находится секретариат. Там меня уже ждала помощница директора, женщина лет сорока пяти в длинном зеленом платье, напоминавшая гусеницу.

– Вот расписание уроков, – сказала она, протягивая лист. – Пойдем, я покажу тебе твой шкафчик.

В коридоре школьники пялились на меня, как на животное в зоопарке. Все такие прилизанные, в модных шмотках, с зажравшимися рожками. Их взгляды... Они будто говорили: «Ты нам неровня». Захотелось спрятаться под курткой, но вместо этого я поступил так, как привык: расправил плечи и выставил вперед подбородок, а лицо сделал таким каменным, что даже Майк мне бы позавидовал. Если никто не знает, что творится у меня в душе, то никто не сможет задеть.

Красные шкафчики не имели ни металлических проплешин, ни горбатых дверок. В этой школе явно учились сплошные ботаники, а не такие хулиганы, как я, которым дай волю, и они тут же разгромят все, что попадется им под руку.

Гусеница остановилась рядом с одним из шкафчиков, ввела код, состоящий из четырех нулей, и на прощанье сказала:

– Удачи тебе. Надеюсь, ты найдешь в этой школе то, что ищешь.

Я уставился ей вслед, не совсем понимая, что она имела в виду. Я искал аттестат и хорошее оборудование для гребли. Больше мне ничего не нужно.

Кто-то с испуганным вдохом остановился прямо у меня за спиной. Я резко обернулся и вперился взглядом в девчонку. Она едва дотягивала мне до плеча, хотя вроде была моей ровесницей. Длинные густые каштановые волосы обрамляли бледное лицо, на котором сверкали огромные карие глаза. Под белой толстовкой пряталась небольшая грудь, зато голубые джинсы аппетитно обтягивали бедра. Именно такие, как я любил: округлые, женственные, их приятно обхватывать ладонями, впиваясь пальцами в ягодицы... Я уже собирался улыбнуться девчонке своей самой обворожительной улыбкой, но, вновь встретившись с ее шокированным взглядом, выбросил эту идею из головы.

– Я могу тебе как-то помочь? – спросил я.

В ответ она отрицательно замотала головой, закусив нижнюю губу. Я проследил за ее взглядом – она рассматривала что-то внутри моего шкафчика.

– Ты что-то потеряла?

– Что ты здесь делаешь? – ответила она вопросом на вопрос.

Голос у нее был нежный.

– Здесь – в этой школе? Или на планете Земля?

Она вновь замотала головой.

– Кто дал тебе код от шкафчика?

– Помощница директора, – протянул я. – Ты задаешь странные вопросы.

Она никак не отреагировала на мой ответ, продолжая вглядываться в шкафчик.

– Внутри что-то было, когда ты его открыл?

– Нет... Он твой, что ли? Слушай, если в секретариате что-то перепутали, так и скажи.

Мне не нужны проблемы.

– Как быстро они... – пробормотала она.

Ее глаза увлажнились, и вдруг она сорвалась с места и бросилась бежать по коридору. Розовый рюкзак подпрыгивал в такт на ее спине. Чокнутая.

Я захлопнул шкафчик и отправился на первый урок, которым, к моему несчастью, оказалась литература. Скукота. Последним зашел в класс сразу после звонка. Знал, что меня все равно вызовут к доске, чтобы представить одноклассникам, и не торопился. Однажды я уже менял школу в середине учебного года и прекрасно помнил, как мучительно чувствовать на себе любопытные взгляды: «За что тебя выкинули из предыдущей школы?» Нет уж, лучше сразу у доски остаться.

Учительница, милейшая старушенция в блузке, украшенной рюшками, и в юбке с цветочным принтом из какого-то позапрошлого века уже ждала меня. Я сделал глубокий вдох и расправил плечи. Пусть все знают: я никого не боюсь.

– Никлас Райнхард, верно? – с легкой хрипотцой в голосе обратилась ко мне старушенция.

Если расписание уроков не обманывало, то ее звали фрау Вайс и она была моей новой классной руководительницей. Она подошла удивительно проворно в свои лет сто, взяла меня под локоть цепкими пальцами и подтолкнула к проходу между партами.

– Ребята, это ваш новый одноклассник. А ты проходи скорее. Мы теряем драгоценное время. Сегодня разбираем пьесу «Коварство и любовь» Фридриха Шиллера. Это восторг!

Мысленно я уронил и поспешно подобрал челюсть с пола. А где допрос с пристрастием у доски на глазах у всего класса? Рассказывать, кто такой, откуда, почему перевелся? Совершенно растерявшись, я сделал шаг вперед, выискивая свободное место. Первым в глаза бросился парень, который, наверное, все зимние каникулы провел в солярии. А потом я заметил ее, ту самую девчонку, с которой столкнулся в коридоре. Она смотрела на меня, растерянно приоткрыв рот. У нее были полные чувственные губы, какие хочется целовать и прикусывать зубами. Девочка была явно ненормальной, но очень симпатичной и сидела за партой в гордом одиночестве. Все еще удерживая ее взгляд, я сел на свободный стул рядом и протянул руку.

– Никлас. Но ты можешь называть меня Ник.

– Луиза. Лу, – прошептала она, перевела взгляд на протянутую руку, так и не дотронулась до меня, опустила глаза и вдруг метнулась вперед, закрывая ладонью какой-то рисунок на столешнице.

Засунув руки в карманы джинсов, я откинулся назад и принялся балансировать на задних ножках стула, рассматривая девчонку со спины. Каштановые локоны достигали почти узкой талии. Нет, она была не просто симпатичной, она была соблазнительной. Ее так и хотелось обхватить руками под ягодицы и усадить себе на колени. Тем временем фрау Вайс с неприкрытым восторгом рассказывала о пьесе Шиллера. Там шла речь о дворянине и мещанке, которые искренне любили друг друга, но оказались разделены из-за интриг, а в конце, измученные ревностью и хладнокровными манипуляциями, умерли. Боже, какая ж хрень. Я неодобрительно фыркнул, качая головой.

– Я так понимаю, вы не согласны со мной, Никлас? – тут же с вызовом спросила старушенция, окидывая меня пронзительным взглядом поверх очков.

Кажется, до первого выговора в новой школе я продержался рекордные тридцать пять минут. Майк оторвет мне голову. Какой же я идиот, обещал же, что буду вести себя тихо! Закрыв глаза, я сосчитал до трех и вновь посмотрел на фрау Вайс, и только теперь заметил, что несмотря на требовательный тон, рассерженной она не выглядела. Она заинтересованно при-

подняла брови, как будто на самом деле хотела узнать мое мнение. Мое. Мнение. Про какую-то пьесу. Насмешила. Да я последний раз букварь в младшей школе читал, а все сочинения из интернета готовыми скачивал! Гадать, чего там хотел сказать автор, – это как ловить блох у дворового пса: муторно и бессмысленно. Я прокашлялся, собираясь с мыслями.

– Не будь я в классе, я бы сказал, как есть – это все полная ересь. Слюни, сопли и драма на пустом месте. Сами жить не могут и другим не дают. Идиоты. А читатели такие: гляньте, как красиво герои в слезах захлебываются, как убиваются! Глупость, да и только.

Фрау Вайс прислонилась бедром к своему столу.

– И под глупостью вы подразумеваете... – Она не договорила, вынуждая меня заканчивать за нее предложение.

– Ну, всю эту ерунду от и до. Любовь и вообще.

Фрау Вайс сняла очки и покатала дужку между большим и указательным пальцами.

– А можно поподробнее?

Я еще раз прокашлялся, начиная паниковать. Первую половину урока я слушал училку вполуха. Вдруг я все не так понял?

– Ну... У этого дворянина Фердинанда для двадцати лет отличная должность майора, карьерные перспективы и запланированный брак с как ее... леди Миллер. От этого союза столько выгоды! Но нет. Леди ему не нравится, поэтому свое будущее он ставит на кон ради какой-то Луизы.

Краем глаза я заметил, как чокнутая заметно вздрогнула.

– Он влюблен в Луизу, – неожиданно подала она голос.

– Он сошел с ума от ревности, а потом отравил и ее, и себя. Хороша влюбленность, – съязвил я, все больше распаляясь. – Да это же чушь собачья!

Рыженькая девчонка с первой парты в ужасе обернулась. Ее соседка уставилась на меня так, будто я осквернил какую-то святыню. Неженки! Моя хорошенькая соседка покачала головой, но не обернулась, зато несколько парней одобрительно присвистнули с задних рядов. Меня так и подмывало еще что-нибудь ляпнуть.

Нет! Стоп! Что я творю? Зачем все время лезу на рожон? Но на фрау Вайс мой резкий тон не произвел ни малейшего впечатления. Постучав указательным пальцем по губам, она уточнила:

– То есть вы считаете, что Фердинанд должен был отказаться от Луизы в пользу леди Миллер исключительно из корыстных побуждений?

– Ну почему сразу корыстных? – возмутился я.

– Я всего лишь называю вещи своими именами, Никлас. – Учительница окинула взглядом класс. – А что думают остальные? Стоило ли Фердинанду жениться на леди Миллер ради продвижения по карьерной лестнице и одобрения отца?

К моему огромному удивлению, со всех сторон послышалось «нет» романтических глупцов и только одно «да». Я оглянулся и увидел самодовольную улыбку на загорелом лице смутно знакомого парня. Кажется, мы могли бы с ним подружиться.

– Очень любопытно, – довольно хлопнула в ладони фрау Вайс. – Знаете, это исключительно интересная тема. Любовь, и что мы под ней подразумеваем, на что можно ради нее пойти и когда лучше от нее отказаться. Поэтому в качестве домашнего задания вам нужно закончить предложение «Любовь – это...»

Я закатил глаза. Чтобы написать ответ на этот вопрос, мне потребуется четыре слова.

Глава 4

Лу

Ослепительный свет фар, визг тормозов, пронзительный крик Эммы.

«Если бы не ты, ничего бы не случилось».

«Если бы ты ушла, как договаривались, Эмма была бы жива».

«Если бы не ты, Катрин и Генри не потеряли бы дочь».

Первая неделя в школе прошла ужасно. Мне абсолютно все напоминало об Эмме. Я просыпалась посреди ночи, хватая ртом воздух, но не могла вздохнуть. Казалось, что грудная клетка вот-вот треснет под тяжестью моей вины.

Стерев дрожащей рукой холодный пот со лба, я выбиралась из кровати и ползла на кухню. Разогрела молоко с медом и включала телевизор в гостиной. Смотрела на заставку фильма «Свадебный переполох» и, поколебавшись пять-десять минут, начинала бездумно прыгать по каналам, пока снова не забывалась под синее мерцание и монотонную речь продавца магазина на диване. Мама будила меня в шесть утра, и с каждым днем ее лицо становилось все тревожнее и бледнее. Она спрашивала меня: «Когда это закончится, Луиза?» – а я пожимала плечами и уходила принимать душ. У моей вины не было срока годности.

После завтрака, который я проглатывала даже не ощущая вкуса, мама подвозила нас с моим младшим братом Колином до школы. Сразу после той рождественской вечеринки папа поставил мой велосипед в гараж. Я больше не ездила на нем, постоянно думая про грудку металлолома, в которую превратился велосипед Эммы.

В школе я спала на уроках с открытыми глазами, не слушала учителей и избегала попыток одноклассников заговорить со мной. Я больше не была Луизой – душой компании и организатором отвязных вечеринок. Без Эммы я была никем.

В среду со своих спортивных соревнований вернулся Патрик. С выгоревшими под австралийским солнцем волосами, с медового цвета кожей, на фоне серого промозглого Любека он казался лишним. Я сразу заметила его на школьной парковке, когда вылезала из маминой машины. В окружении друзей и обожателей он стоял на кузове своего гигантского пикапа и демонстрировал всем доску для серфинга. Как всегда – самый яркий, самый красивый, самый популярный парень школы. Когда-то я лопалась от гордости, рассматривая его идеальную фигуру и нежась в лучах его славы. Мы были негласными королем и королевой школы. В какой-то другой жизни.

Я натянула капюшон и постаралась затеряться среди людей на школьном дворе.

– Луиза! – услышала я за своей спиной его голос и ускорила шаг. – Постой!

В следующую секунду Патрик взял меня под локоть и заставил обернуться. Мы были близки больше двух лет, но сейчас от его прикосновения во мне все похолодело. Я повела локтем, скидывая его руку.

– Привет. – Патрик улыбнулся по-настоящему голливудской улыбкой. – Ты меня не заметила. А я вот, вернулся.

Он развел руки в стороны, будто сделал мне удивительно приятный подарок. Я буквально слышала, как он мысленно добавляет при этом что-то в стиле «та-да!». Судя по выражению его лица, сейчас мне стоило упасть ему в объятия, обливаясь слезами счастья.

– Поздравляю, – выдавила я, когда пауза неприлично затянулась.

Я развернулась и пошла к школе, засунув руки в карманы куртки.

– Эй! – удивленно окрикнул меня Патрик и в два счета догнал. – Расскажи, как тут все без меня? Я вчера за полночь вернулся. Боже, ты бы знала, какой у меня джетлаг. Восемь часов разница во времени – это не шутки.

Он мотнул головой, откидывая выгоревшие на солнце волосы со лба. Я понимала, что не должна была на него злиться, потому что он не виноват в смерти Эммы, ведь это я позволила утащить себя в спальню и позабыла о времени, но его беспечный тон заставил меня содрогнуться от отвращения.

– Ты как? Нормально? – продолжил он как ни в чем не бывало. – Выглядишь бледной.

Патрик пропустил меня в школьное фойе первой, предусмотрительно открыв дверь. Когда он потянулся, чтобы приобнять меня, я начала снимать куртку, мешая ему приблизиться. Краем глаза я заметила, как тень непонимания скользнула по его красивому лицу.

– Я на соревнованиях занял первое место. Приз – десять тысяч долларов! Давай сегодня отметим?

Сейчас я была ближе к тому, чтобы броситься под поезд, чем идти с Патриком что-либо отмечать. Господи, да куда он поставит еще одну награду? В его спальне две стены занимали полки со всевозможными медалями и кубками, которые их домработница полировала с большей тщательностью и любовью, чем семейное серебро.

При мысли о спальне Патрика меня резко замутило, перед глазами запрыгали черные точки. Может быть, он и помнил о моей лучшей подруге, но делал то, о чем меня просила мама, – жил дальше. Вот так просто. Но моя жизнь остановилась в тот момент, когда машина с подвыпившим водителем за рулем осветила велосипед Эммы светом желтых фар...

Я прокашлялась, чтобы избавиться от комка в горле.

– Патрик, на похоронах я говорила серьезно. Между нами все кончено.

Он несколько раз моргнул. Улыбка наконец сошла с его пухлых губ.

– Думал, что ты это на эмоциях...

Я молча смотрела на него, не давала ему зацепок переубедить. Сама еле стояла на ногах.

– Хорошо. Я понял... Но, если что, ты знаешь где меня найти.

Я развернулась и поспешила по коридору как можно дальше от Патрика. После всего случившегося его близость стала для меня невыносимой.

В пятницу на большой перемене после урока физики я вытащила из рюкзака пластиковый контейнер с ланчем. Помимо бутербродов с мягким сыром и ветчиной внутри лежали огурцы в форме звездочек и круглые оладья. У моей мамы имелся целый ящик со всевозможными формочками: от комет до оленей, от паровозиков до ангелочков. Мне восемнадцать лет, но она и ее чертов перфекционизм каждый раз превращают мой обед в произведение искусства, как будто украденное из художественной галереи, которой она руководила.

– Только через мой труп вы устроите пенную вечеринку вместо выпускного!

Я обернулась. За соседним столиком ребята из параллельного класса громко спорили о выпускном, смеялись и активно жестикулировали.

Черт.

Огурец застрял в горле, и я с трудом проглотила его. Если бы не авария, сейчас бы я точно так же сидела и спорила с Эммой, потому что мы возглавляли оргкомитет нашего класса. Собственно, с негласного одобрения одноклассников мы были его единственными членами.

Обычно наши разговоры о выпускном происходили по одному и тому же сценарию: я записывала новые шикарные идеи в маленький красный блокнот, который сейчас лежал в моей каюте на яхте отца, приходила к Эмме, зачитывала идеи вслух, а она камня на камне от них не оставляла.

«Слишком дорого! Никто не даст купить тебе тысячу бумажных фонариков!»

«Луиза, какие живые бабочки? Где мы их возьмем?»

«Настоящие цирковые акробаты? Ты издеваешься, правда?»

После этого с присущей ей прагматичностью мы начинали искать реальные варианты.

Эмма, как же я по тебе скучаю!

– Надо все-таки решить, что делать, – снова донеслось с соседнего стола. – Время поджидает.

Они были правы. Это только казалось, что до выпускного в конце июня уйма времени. По факту надо было поторапливаться, иначе все хорошие рестораны забронируют, а диджеев и фотографов разберут.

Я захлопнула свой контейнер, так ничего толком не съев, кинула его в рюкзак и поднялась из-за стола. Мне нужно найти классную руководительницу и попросить взять кого-нибудь другого вместо меня в оргкомитет. Без Эммы я просто не могла заниматься организацией выпускного, а испортить его всем одноклассникам не хотела.

Фрау Вайс я поймала в коридоре, когда она выходила из учительской.

– Можно с вами поговорить? – сказала я.

– Здравствуй, Луиза. Конечно.

Она шире открыла дверь и пропустила меня в пустое помещение. Видимо, другие учителя уже разбрелись по классам.

Фрау Вайс закрыла за нами дверь и подошла ко мне. Седые волосы обрамляли доброе лицо, испещренное глубокими морщинами. Светло-голубые глаза смотрели с тревогой поверх очков-половинок, сидящих на кончике длинного носа.

– Как ты? – спросила фрау Вайс.

На похоронах Эммы мы не говорили, а всю первую неделю после каникул я тщательно избегала ее, даже на уроках старалась помалкивать, боясь, что она начнет задавать вопросы.

– Нормально, – ответила я.

Это было правдой, если *нормально* означало «плачу большую часть суток, борюсь с паническими атаками и ненавижу себя».

– У меня к вам просьба.

Во рту пересохло. Я собиралась отказаться от проекта, который был бесконечно важен для нас с Эммой. Да что там важен? Мы им жили!

– Конечно, конечно. Все что угодно. – Она улыбнулась и погладила меня по плечу. – Я очень рада, что ты наконец сама подошла ко мне. Я очень волнуюсь за тебя.

– Ага... – протянула я. Не об этом я хотела говорить.

– Луиза, если ты переживаешь из-за оценок, не стоит. Все учителя в курсе. Никто от тебя ничего не ждет. Я хочу, чтобы ты знала: совершенно нормально горевать и скучать по дорогим людям. Я правда понимаю, каково тебе. И если тебе понадобится помощь, только скажи. Хочешь, я организую встречу со школьным психологом?

Какой к черту психолог? Я затрясла головой.

– Нет. Я хочу, чтобы вы нашли кого-нибудь другого, кто будет организовывать выпускной.

Фрау Вайс удивленно вскинула седые брови.

– Ты уверена?

– Более чем, – кивнула я.

Она поправила очки, съехавшие на самый кончик носа. Повисла пауза, которая заставила меня на нервах закусить изнутри щеки.

– Луиза, как бы нам ни хотелось, мы не можем изменить прошлое. Все, что в наших силах, – это продолжать жить.

Ну вот и она туда же! Как мама и Патрик! Продолжать жить! Легко сказать! Если бы я не пошла с Патриком к нему в комнату, а была бы хорошей подругой и вовремя поехала с Эммой домой, то сейчас мы бы вместе лопали дурацкие огурцы в форме звездочек и разносили в пух и прах мою очередную идею!

– Поверь мне, ты ни в чем не виновата, – добавила фрау Вайс.

Я непроизвольно дернулась. О-о-о... С этим утверждением я могла бы поспорить. Кто, если не я, виноват в смерти Эммы? Чувство вины всколыхнулось на дне живота, поднялось вверх ядовитой желчью, разлилось горечью во рту.

– Давай не будем торопиться. Ты подумаешь, придешь в себя. Лучше вас с Эммой никто не смог бы организовать выпускной.

Я открыла рот, чтобы закричать: «Вот именно! Нас с Эммой! А нас больше не было! Я была одна». Фрау Вайс улыбнулась мне с такой нежностью, что вместо этого я прошептала:

– Я подумаю.

* * *

Я еле дождалась воскресенья. Сколько я себя знала, всей семьей мы проводили этот день на яхте, спущенной на воду даже зимой в яхт-клубе. На рассвете отправлялись туда с кулечком свежих булочек и круассанов из ближайшей булочной. Колин сонно ворчал. Мама варила крепкий чай с леденцовый сахаром и сливками. Папа выходил по реке Траве в Балтийское море. Я сидела на палубе и смотрела на воду, которая меняла цвета в зависимости от погоды. Семейные вылазки по воскресеньям были нашей традицией. И сейчас, когда весь мир летел коту под хвост, только мысль о прогулке на яхте держала меня на плаву.

В воскресенье мама опять разбудила меня на диване в гостиной, но в отличие от других дней, я даже почувствовала себя человеком, а не зомби, которому нужно держать пальцами веки, чтобы глаза оставались открытыми. За завтраком я нетерпеливо дергала ногой, желая поскорее оказаться на яхте, пока Колин спал носом в тарелке. Думаю, он бы с удовольствием променял Балтику на футбольное поле.

– Боюсь, что сегодня ничего не выйдет, – вдруг сказал папа, не отрывая взгляда от телефона. – Мой клиент должен явиться в суд завтра утром. Мне стоит поехать в Мюнхен, чтобы лично обсудить все финансовые отчеты.

Я уронила ложку в чашку. Капли чая заляпали стол.

– Луиза! – воскликнула мама и бросилась за полотенцем.

Колин даже не вздрогнул.

– Но пап, – протянула я, не обращая внимания на маму, которая уже крутилась вокруг меня.

– Извини. – Папа пожал плечами. – Долг зовет. Мой клиент может остаться без порток. Я не могу его бросить.

– А как же я? – взвыла я. – Почему ты можешь бросить меня?

Папа нахмурился.

– Я работаю и обеспечиваю вас всем, о чем вы только можете мечтать.

Кровь бросилась мне в лицо. Уши и щеки охватило огнем.

– Я мечтаю провести время с семьей на яхте! – воскликнула я. – Твои клиенты, партнеры фирмы и портье в отеле видят тебя чаще нас!

Глаза папы расширились, и он с грохотом опустил ладонь на стол. Чашки на блюдах зазвенели.

– Без моей работы не было бы ни этого дома. Ни твоих дорогих шмоток. Ни твоей любимой яхты! Марш в комнату!

Я открыла рот, задохнувшись от возмущения, а потом сорвалась с места. В спальне упала на кровать и разревелась. Я чувствовала, что поездка на яхте – мой спасательный круг, за который я держалась из последних сил, стал терять воздух, будто в нем пробили огромную брешь. И теперь мне грозило навсегда уйти под воду.

В понедельник в школе все стало еще хуже – в шкафчике Эммы копался какой-то темноволосый верзила. Он оказался моим новым одноклассником, которому хватило наглости

занять шкафчик Эммы, ее место за нашей партией и дерзить фрау Вайс. Чертов Никлас Не-
верю-в-вашу-дурацкую-любовь Райнхард!

Глава 5

Лу

После моей стычки с отцом с ним поругалась мама. Я не знаю, что именно она сказала ему в спальне во время ссоры, пока он паковал вещи, чтобы уехать к клиенту на заседание суда, но на открытии новой выставки в галерее в среду он не появился. Вернувшись далеко за полночь домой, мама крикнула: «Он мне даже цветы не прислал» и в ярости запульнула туфлю на высоченной шпильке через весь коридор в гостиную, где я сидела на диване и смотрела «Ешь, молись, люби», уже успев проснуться после очередного кошмара. К счастью, я смогла быстро выключить телевизор и спрятаться под одеялом, чтобы она меня не заметила.

Жаль, что я не могла спрятаться от себя. Дурацкий фильм разбередил раны. Пока Эмма была жива, я только и делала, что ныла по поводу поездки в Индию после окончания школы. Она грезилась этой страной, я же боялась разлучаться на целый год и собиралась поехать вместе с ней. Но меня ужасно пугала перспектива мучиться от постоянного несварения желудка и вместо тихого Любека оказаться среди миллионов людей. Теперь я бы отдала все на свете, лишь бы сидеть рядом с Эммой хоть в ашраме, хоть в Мумбаи.

На утро раскалывалась голова, а глаза опухли от слез. Совсем не хотелось идти в школу, но объясняться с мамой – еще меньше.

Перед началом первого урока я опять заметила новенького у открытого шкафчика Эммы. Он запикивал в него свою огромную черную куртку. Никлас был просто гигантского роста, а его куртка могла бы послужить брезентом для двенадцатиметровой яхты. И в шкафчике Эммы ей не место! Во мне все взбунтовалось. Но этот парень был не виноват, это чертов герр Шредер стер память об Эмме, а ведь было время, когда мы организовывали все школьные праздники, а директор к нам прислушивался. Как же он мог так быстро о ней позабыть, обо всем, что она сделала? Я закипела от злости, закусилась изнутри щеки, развернулась и пошла в учительскую. Кого первым встречу, тому все и выскажу!

Фрау Вайс была в кабинете не одна. Напротив нее сидели Марта, Джули и Нелли. Они о чем-то говорили, но, как только заметили меня, сразу замолчали.

– Я не собираюсь организовывать выпускной! – выпалила я с порога, а про себя мысленно добавила: «Пусть эта школа катится к чертям!»

На широком лице Марты, усыпанном миллиардом веснушек, губы растянулись в улыбке, но зубы при этом оставались плотно сжаты.

– Что и требовалось доказать, – протянула она.

Мы с Мартой хоть и учились в одном классе, но подругами никогда не были. Она была зазнайкой. И если зануда Джули неплохо ее дополняла, то что рядом с ними делала Нелли, для меня всегда оставалось загадкой. Нелли, с большими голубыми глазами, прямыми волосами непонятного цвета и покорным характером, была похожа на олененка Бэмби, который только учится ходить.

– Это, конечно, меня печалит, – сказала фрау Вайс, – но я предполагала, что так будет. Не волнуйся, Луиза, отдыхай, набирайся сил. Девочки уже согласились возглавить оргкомитет.

Я растерянно перевела взгляд с учительницы на эту троицу. Я ослышалась. Иначе и быть не могло. Эти три мымы в нашем с Эммой оргкомитете? Да они же ни на что не способны! Марта не была ни на одной нормальной вечеринке, называя их пустой тратой времени, Джули не имеет фантазии, а Нелли никогда не открывает рот. Эта катастрофа вселенского масштаба!

Эмма, это не кончится ничем хорошим. Вместо бального зала, роскошных букетов, живой музыки, я уже сейчас вижу, как мы отмечаем окончание школы в ресторанном дворе торгового центра.

– Ты в порядке? А то выглядишь так, будто увидела привидение, – с сомнением в голосе сказала Джули.

Я не знала что ответить. Я оглянулась по сторонам. Эммы не было рядом, а без нее выпускной для меня терял всякий смысл. Мимолетная идея вручить одноклассникам мой красный блокнот с телефонными номерами ресторанов, отелей и музыкальных групп испарилась. Пусть Марта, Джули и Нелли делают что хотят.

– Удачи вам, – буркнула я и выбежала в коридор.

Глава 6

Ник

Сразу после школы я откатал два часа на гребном тренажере, пока мышцы не начали гореть, и заехал в супермаркет. Я делал это на автомате, стараясь не думать о том, что меня сегодня ждет дома. На часах было около девяти вечера, когда я наконец поднялся по лестнице на третий этаж, поставил пакеты с продуктами на потрескавшийся кафельный пол в подъезде и открыл дверь в квартиру. Еще на пороге мне в нос ударил кислый запах пива и густой дым от сигарет. Горло сжалось, а в глазах появилась резь. Подхватив пакеты и захлопнув ногой дверь, я включил свет локтем и прошел через коридор, отшвыривая в сторону жестяные пивные банки, не обращая внимания на то, что из некоторых может что-то вылиться. Этот пол и не такое на своем веку видал. Уберу потом, хуже тут уже стать не может. На кухне я засунул продукты в холодильник и, не мешкая, настезь открыл окно. Свежий воздух ворвался внутрь, и я наконец смог вздохнуть полными легкими. Как было бы хорошо иногда приходиться в чистый дом.

– Никлас? – раздался голос мамы из ванной. – Это ты? По-моги мне.

Она говорила неестественно медленно. Опять надралась.

Я вернулся в коридор и осторожно приоткрыл дверь в ванную комнату, желая сначала убедиться, что мама одета. Она сидела на краю ванной в потертых джинсах и свитере и смотрела на меня осоловелыми глазами.

Мам, мне нужна маленькая передышка, хотя бы один нормальный вечер!

– Что такое? – устало спросил я, перешагнув порог.

Она подняла руки, пальцы и ладони были перемазаны чем-то черным. Ее движения были как в замедленной съемке. Глупая улыбка расплзлась на губах, но скорее напоминала гримасу.

– Я хотела сделать маникюр. Й-и-к! Но у меня не вышло.

Она начала громко икать.

Я подошел ближе. Вся раковина была перемазана лаком, рядом лежал перевернувшийся флакончик и кисточка, несколько жирных капель попали на пол. Это была такая мелочь, но я закипел. Как я, черт побери, устал! Устал быть единственным адекватным человеком в этой семье, устал держаться на плаву, устал быть родителем своей матери!

Хотелось развернуться и бежать куда глаза глядят, главное, как можно дальше от этого пьянства и безысходности. Мне уже исполнилось восемнадцать, я получал свои пятьсот евро в кофейне и мог снять комнату в общежитии. Шиковать не получится, но мне одному много и не нужно. Жизнь бы заиграла новыми красками. Без мамы, которая сейчас отдирает черный лак от джинсов, все было бы куда проще. Но... Если я уйду, у нее не останется никого. Кто о ней тогда позаботится? Нет-нет, сначала поступление в академию, потом лечение матери в Гамбурге. Оно должно ей помочь. Просто обязано. А уже потом я смогу подумать об отдельной квартире.

Я закрыл глаза, которые предательски щипали, и сделал три глубоких вдоха, загоняя злость поглубже. Мать нуждалась во мне. Открыл глаза, перехватил ее руки. Достал из зеркального шкафчика средство для снятия лака и ватный диск. Мы закончили полчаса спустя. Я отвел ее в спальню, подождал, пока она уснет, и снова выбежал на улицу. Мышцы все еще ныли после тренировки, но мне нужно было куда-то выплеснуть злость. Я знал, если не сделаю этого сейчас, то завтра точно ввяжусь в очередную драку, а впереди был первый этап отбора в академию. Вряд ли Майк погладит меня по голове, если я приду туда с синяками.

Я засекал время и побежал привычным маршрутом, который давно проложил на карте, чтобы подготовиться к забегу. Нужную дистанцию в пять километров пробежал за двадцать пять минут, чувствуя удовлетворение и спокойствие внутри.

На ужин я сварил спагетти. В супермаркете я взял те, которые продавались со скидкой за пятьдесят центов, – макароны в упаковке оказались поломаны, но вкус их от этого не менялся. К спагетти стоило сделать мясной соус, но я так проголодался и устал, что просто выдавил на тарелку знатную порцию кетчупа. Когда я заглянул к маме, чтобы пригласить к столу, она уже крепко спала, поэтому я уселся с ногами поперек подоконника, прислонившись спиной к внутреннему откосу. Откинув голову назад и закрыв глаза, я жевал макароны и дышал вечерним воздухом. Как можно добровольно курить или дышать дымом, от которого во рту появляется горький привкус смерти? Или как можно столько пить, чтобы терять способность соображать и нормально двигаться? Я не мог этого понять.

Я любил чувствовать контроль над своим телом. И надеялся, что когда-нибудь смогу контролировать и свою жизнь.

Глава 7

Лу

Папа не вернулся даже на выходных, наказывая своим отсутствием в первую очередь не маму, а меня. В итоге в воскресенье вместо того, чтобы пытаться привести свои чувства в порядок, подпитываясь силой моря и любовью родителей, после обеда я закуталась в куртку, натянула шапку до самых бровей и пошла к дому Эммы. Вернее, к дому ее родителей. Давно пора было поговорить с ними.

Последний раз я видела их на похоронах Эммы, а до этого – на месте аварии. Я вызвала полицию и скорую помощь, а им позвонить не решилась. Не знала, что сказать и, главное, как. Дала их номер телефона полицейскому, а сама скукожилась на нижней ступеньке скорой. Родители Эммы приехали минут через десять. Ее мать, Катрин, дала мне пощечину. Меня в жизни никто никогда не бил, но защищаться не хотелось, потому что я кругом чувствовала свою вину. Я не уберегла их дочь, не проследила, чтобы она надела шлем, задержала на дурацкой вечеринке. Генри, отец Эммы, хоть и предотвратил вторую пощечину, кричал на меня, пока врач не увел его в сторону.

На похоронах я хотела поговорить с ними, но они как будто не заметили меня. Будто я прекратила существовать вместе с их дочерью.

В конце улицы, застроенной городскими виллами позапрошлого века, начиналась территория Катрин и Генри. Назвать иначе шесть тысяч квадратных метров с лесом, конюшней и импозантным трехэтажным особняком просто не поворачивался язык. Давным-давно они купили этот дом у разорившегося герцога и превратили в пятизвездочный отель, в котором дважды в год проходили конные соревнования.

Я подошла к чугунным воротам и посмотрела на крайнее левое окно на третьем этаже. Раньше там была комната Эммы. Оставили ли Катрин и Генри все как есть или превратили в дополнительный гостиничный номер? Они любили свой отель. Иногда мне казалось, что даже больше, чем Эмму. Страх, что родители Эммы поступили так же, как и герр Шредер, ледяными осколками впился в сердце.

Двадцать минут спустя я все еще топталась на месте. Вдруг дверь распахнулась, и на подъездную дорожку вышла женщина. Она находилась слишком далеко, чтобы я могла разглядеть ее, но мою левую щеку опалил жар, как от пощечины. Я отпрянула, развернулась и бросилась бежать.

* * *

Фрау Вайс вышла на середину класса.

– Итак, кто из вас готов ответить на вопрос, что такое любовь? – спросила она, оглядывая класс поверх очков. – Заставлять я никого не буду, это дело добровольное, но мне кажется, нам всем было бы полезно узнать, насколько сильно могут отличаться точки зрения даже среди ребят одного возраста.

Одноклассники молчали. Я нерешительно теребила в руках лист бумаги, испещренный мелкими буквами. Вчера вечером, сидя в одиночестве в своей комнате, думая о поссорившихся родителях и о разрушенной семье Эммы, мне наконец-то удалось найти правильные слова, но было страшно вызваться первой.

– Хорошо, я начну, – продолжила фрау Вайс, так и не дождавшись добровольцев. – Для меня любовь – это...

Она не смогла договорить, потому что ее прервал нервный стук в дверь.

– Войдите.

Дверь распахнулась. На пороге появился Никлас. Каштановые волосы торчали в разные стороны, будто его принес в школу ураган, как Дороти в «Удивительном волшебнике из страны Оз». Широкая грудь быстро вздымалась, свитер в красно-синюю горизонтальную полоску красиво обрисовывал бицепсы. Серые джинсы низко сидели на узких бедрах и обтягивали мускулистые ноги. В Нике было что-то необузданное и очень притягательное. Он как будто сам был частью урагана, его несокрушимой частью. В прошлой жизни я бы точно на него запала.

– Извините за опоздание. Я... – начал было он, задыхаясь, но фрау Вайс подняла руку, останавливая его.

– Молодой человек, я никогда не ругаю за опоздания, – сказала она. – Либо у вас было неотложное дело, либо вы не цените мое время. В первом случае я уважаю вашу личную жизнь и не требую отчитываться перед всем классом. Во втором случае я не хочу расстраиваться сама. Так что просто займите свое место.

Лицо Никласа вытянулось, и моя улыбка стала шире. Фрау Вайс была неподражаема.

Когда Никлас подошел к моей парте, я тут же закрыла ладонью наше с Эммой сердечко. В школе оно стало для меня как будто последней ниточкой, связывавшей меня с ней. Что, если герр Шредер узнает про него и прикажет закрасить?

– Привет, – прошептал Никлас, усаживаясь рядом.

– Привет, – буркнула я, крепче прижимая ладонью шершавую поверхность парты.

Фрау Вайс сделала громкое «кхе-кхе», привлекая к себе внимание.

– Для меня любовь означает уважение. Ведь каждый из нас – это личность с уникальным набором качеств, пережитых взлетов и падений, стремлений и потребностей. И высшее проявление любви – это осознание наших отличий и уважительное отношение даже к тем людям, с которыми мы расходимся во мнениях.

Класс молчал, видимо, точно так же, как и я, переваривая новую информацию. Так просто и так сложно одновременно. Фрау Вайс отошла к учительскому столу, прислонилась к нему, окинула нас приглашающим взглядом, и лес рук взмыл в воздух. Но я продолжала закрывать одной рукой сердечко, а другой крепко держать свой лист. После слов фрау Вайс мой ответ стал казаться совсем наивным. Краем глаза я заметила, что и Никлас не спешит поднимать руку. Меня это совершенно не удивило, учитывая его реакцию на пьесу Шиллера. Он, как и в прошлый раз, балансировал на задних ножках стула.

Один за другим мои одноклассники зачитывали свои варианты.

– Любовь – это когда можешь быть самим собой, – сказала Марта неожиданно робко.

– Любовь – это умение забывать обиды, – подхватил Оскар, сдувая светлую челку с глаз.

– Любовь – это дарить внимание и заботу, – улыбнулась Нелли.

У нее был очень красивый и нежный голос. Как-нибудь, если у меня появятся силы завести новых друзей, я непременно приглашу ее на чашку чая.

– Любовь – это гордая улыбка отца, когда я одерживаю очередную победу, – похвалился Патрик.

Я обернулась и посмотрела на его красивое загорелое лицо. Вспомнила стеллаж в целую стену с сотней наград. Вспомнила его отца, который точно знал их количество. До этого момента я была уверена, что Патрик побеждает ради себя. Почему я никогда не замечала, что все обстоит совсем иначе? Вдруг мне стало его жаль.

Окинув взглядом класс, я сообразила, что все, кроме меня и Никласа, ответили на вопрос учительницы. Да, она сказала, что никого заставлять не будет, но честность одноклассников вдохновила меня, и я подняла руку.

– Любовь... – прошептала я и прокашлялась, надеясь найти свой голос. – У меня тут несколько определений получилось... Любовь – это на закате пить с мамой горячий черный чай с сахаром и сливками на палубе. Любовь – это вместе с отцом держаться за штурвал яхты.

Любовь – это играть с братом в дурацкие стрелялки. Любовь – это радость Эммы, когда удалось осуществить одну из наших совместных задумок.

Мой голос дрогнул, во рту пересохло. Лист бумаги в руке задрожал. В классе снова повисла тишина. Наверное, никто из ребят вообще не понял, о чем я говорю, и я только напугала их упоминанием Эммы, а у меня на душе наоборот стало легче.

Никлас с грохотом опустил стул на все четыре ножки.

– Любовь, – сказал он бесстрастным тоном, – это то, что нас разрушает.

Глава 8

Лу

До конца учебного дня я думала над его словами. Они были пропитаны болью. Я ощущала ее кончиками пальцев, она как будто окутывала Никласа плотной паутиной, которая душила и меня. Если бы не любила Эмму, не проклинала бы себя за то, что не уберегла, не предвидела, не ехала первой... Если бы я не любила, моя жизнь была бы проще.

Я вышла на школьную парковку, но машиной не увидела. Прошел почти месяц с той роковой ночи, а я так и не смогла пересилить себя и сесть на велосипед или за руль, чтобы самостоятельно ездить в школу. Оставался вариант с автобусом, но его маршрут пролегал прямо по месту аварии. Я вытащила из рюкзака телефон и увидела сообщение от мамы.

МАМА: В галерею заехал известный коллекционер. Извини, опоздаю минут на пятнадцать. Колина я предупредила. Он пошел с ребятами играть в футбол.

Я посмотрела на часы. Еще пять минут. Подожду. Мимо парковки проехал автобус и остановился перед школой. Гурьба школьников, которых не забирали родители, но которые жили слишком далеко, чтобы ездить домой на велосипеде, начали втискиваться в открывшиеся двери. Стоящие позади ребята толкали других и громко смеялись. Я завидовала их беззаботному счастью. Может, и мне когда-нибудь оно вновь станет доступно?

Прошло полчаса. Парковка окончательно опустела, и на школьном дворе никого не осталось. Ожидание действовало мне на нервы. Я набрала мамин номер, но вместо длинных гудков сразу включился автоответчик. Ее работа вновь оказалась важнее семьи. От злости я заскрипела зубами.

Заморосил холодный дождь, несколько капель попали мне за воротник, заставляя передернуть плечами. Зима – не мое время года. Я любила начало осени, когда мир окрашивался в багряные цвета, и конец весны, когда природа оживала. Стоять одной на пустой парковке не хотелось, слоняться по улице в промозглую погоду тоже, а школа уже была закрыта. У меня было два варианта – вызвать такси или... Я бросила взгляд на автобусную остановку. Я не могла решиться поговорить с родителями Эммы. Не могла проехать по месту аварии. Я была словно связана по рукам и ногам, но мне нужно было вернуть хотя бы частичный контроль над своей жизнью.

Я крепко обхватила лямки рюкзака обеими руками и пошла к остановке. В соответствии с расписанием автобус появился через десять минут. В ожидании я нервно приплясывала под стеклянным навесом. Когда передо мной открылись створчатые двери, ноги неожиданно стали ватными. Схватившись за поручень, я потянула себя внутрь автобуса.

Водитель с черным тюрбаном на голове выжидательно смотрел на меня, а я на него. Последний раз на автобусе я ездила черти знает сколько лет назад. Что сейчас мне полагается сделать?

- До какой остановки? – спросил водитель нетерпеливо.
- Фореленвег, – как можно поспешнее ответила я.
- Два пятьдесят.

Расплатившись, я взяла билет, прошла в конец полупустого автобуса и села у окна. Двери закрылись, и мы выдвинулись в путь. До дома езды не больше двадцати минут. Я достала телефон и снова убрала в рюкзак. Нет смысла прятаться, если уже решился прыгнуть в объятия своего самого большого страха.

Я нервно дергала ногами и стучала ногтями по спинке кресла передо мной. Как хорошо, что оно пустовало. Я перевела взгляд на черный тюрбан водителя, потом на старушку с дере-

вянной палочкой и авоськой на колесиках. Она выглядела такой старой, будто пережила обе мировые войны. И она все еще тут, живая. Почему кому-то везет, когда мир летит к чертям, а кто-то погибает в бессмысленной автомобильной аварии по пути домой? Мои колени задрожали. Через три остановки автобус должен был повернуть на ту самую часть дороги.

Я смогу. Я просто проеду мимо. Ничего не случится.

В ушах застучала кровь, а сердце забилося так, будто вот-вот проломит грудную клетку. Два ребра Эммы проткнули ее легкое. Врач сказал, что из-за этой травмы она и без остальных повреждений могла бы захлебнуться кровью. Я почувствовала металлический привкус во рту. Мне он не померещился. Ощупав рот языком, я поняла, что слишком сильно закусилась изнутри щеки.

Ничего хорошего уже не будет. Ничего не будет как раньше.

Я закрыла глаза, чтобы отвлечься от вида за окном, но в памяти тут же всплыло, как плачущий мужчина держит Эмму на руках, точно марионетку, у которой перерезали ниточки. Я не могла вздохнуть. И рядом не было ни мамы. Ни папы. Ни Колина. Никого.

Я была одна.

Меня начало знобить, а легкие точно склеились. Мне нужно выйти из этого автобуса. Как можно скорее. Я открыла глаза и увидела, что три остановки остались позади и мы уже подъезжаем к повороту. Нет! Я не могу. Просто не могу!

Я вскочила со своего места, бросилась к ближайшим дверям и начала колотить в них. Открыла рот, чтобы потребовать остановить автобус, но из пересохшего горла не вырвалось ни одного звука.

– Что ты делаешь? – закричал водитель, не оборачиваясь и не сбавляя скорость.

По спине побежали струйки холодного пота. И я с еще большей силой начала колотить в стеклянные двери.

– Ну-ка прекрати! – потребовал он, обернувшись в мою сторону. Автобус вильнул и слегка накренился. Кто-то из пассажиров взвизгнул.

– Ты что, рехнулась? – закричала хриплым голосом старушка с тростью.

Да. Я не могла думать, не могла контролировать себя. Паника накрыла меня с головой. Я принялась плечом давить на двери. Не знаю, на что я надеялась, но мне было все равно.

Мне нужно выйти до поворота!

– Угломоните ее кто-нибудь! – закричал водитель и крутанул руль.

В следующее мгновение я увидела дорожный знак: в треугольнике была изображена извилистая дорога и заваливающаяся набок машина. День превратился в ночь, автобус и пассажиры исчезли. Остался только свет фар и Эмма на руках у плачущего мужчины.

– Нет! – вырвалось у меня, прежде чем в глазах окончательно потемнело.

Глава 9

Ник

Я бежал так быстро, как только мог, чтобы завершить первый этап отбора в академию. Легкие надрывно сжимались, изо рта вырывался пар, январский холод обжигал губы и горло, но скорости я не сбавлял. Я не имел права облажаться, потому что жизненно важно было успешное и последовательное прохождение всех трех этапов отбора. Только если я справлюсь сегодня, меня допустят ко второму этапу в апреле – личному собеседованию с начальником полиции. А там ему решать, захочет ли он оценить меня на третьем этапе – июльских соревнованиях по гребле среди школьников Любека.

Под ногу попался камешек, подошва кроссовка соскочила с него, нога слегка подвернулась в щиколотке. На долю секунды я выбился из ритма. Ладони вспотели, я вытер их о шорты, сжал в кулаки и прибавил газу. Не позволю, чтобы какой-то камень встал у меня на пути. После четырехчасового письменного теста на логику, память и концентрацию всех кандидатов выгнали на стадион, где мы должны были преодолеть дистанцию в пять километров не больше чем за двадцать восемь минут. Бегая по кварталу, я укладывался в двадцать пять и тут не ударю в грязь лицом.

Из ста человек тридцать к середине забега выбыли из гонки и, согнувшись пополам, сидели на краю поля. На первом этапе всегда отсеивалась минимум треть. Сжав зубы и стараясь не обращать внимания на горящие мышцы ног, я прибавил темпа. Посмотрел на финишную черту и встретился взглядом с Майком. Он ждал меня, скрестив руки на груди и хмурясь. Я еще поднажал, сцепив зубы. Справа под ребрами закололо иголками. Черт. Стараясь дышать ровнее, я перевел взгляд на полицейского с секундомером в руке.

Какой-то парень, худой, похожий на палку, обогнал меня, и паника сжала сердце. Разум напомнил, что мы бегаем по кругу, каждый в своем темпе, но страх упустить единственный шанс на нормальное будущее оказался сильнее. Я собрал оставшиеся силы и вложил их в последние метры. Перед глазами замелькали черные точки.

– Стоп! – окрикнул меня Майк, когда я пересек финишную черту.

Я рухнул на колени. Уперся ладонями в холодную землю. Завалившись сначала на бок, перекатился на спину. Раскинул руки и ноги в стороны.

Майк подошел и навис надо мной.

– Какого хрена ты тут устроил? – грозно спросил он, уперев руки в бока.

Что я натворил на этот раз? Холодная паника новой волной накрыла меня, парализовала дыхание. Я вскочил на ноги и чуть не рухнул. Пошатнулся, но Майк успел подхватить меня под локоть.

– Никто не просил тебя устанавливать новый мировой рекорд.

Я разинул рот.

– Семнадцать минут, Ник. Вместо того, чтобы с умом расходовать силы, ты носился здесь, будто за тобой гоняется рой пчел и жалит в жопу.

Несмотря на его грубые слова, радость забурлила во мне. Я и правда был не так далек от мирового рекорда. Всего-то пять минут.

– Поздравляю, – уже более мягко добавил Майк.

Мы отметили завершение первого этапа отбора в небольшом ресторанчике «У Франца» рядом с полицейским участком, куда редко заглядывали посетители в штатском. Давным-давно я приходил сюда с отцом после его смены. Он пил пиво, я – яблочный сок, разбавленный газированной водой. Все восемь столиков стояли так близко друг к другу, что мне удавалось подслушать даже те истории папиных коллег, которые явно не предназначались для детских

ушей. Они были похлеще любого триллера, которые мать запрещала мне смотреть. Именно тогда во мне зародилось желание стать полицейским и с такой же бравадой рассказывать своим коллегам о раскрытых преступлениях. Быть умным, сильным, непобедимым. Смерть отца не ослабила это желание, наоборот, мне еще сильнее захотелось стать одним из них, заполнить брешь, которая образовалась в их рядах.

Сегодня я сидел здесь вместе с Майком, ел жирный шницель и смотрел на темные стены, увешанные фотографиями полицейских, среди которых был и снимок моего отца.

– Отличный результат, Ник! – Фредерик похлопал меня по плечу, задержавшись рядом с нашим столиком. – Ты всем утер нос!

– Ах, это было проще простого, – беззаботно отмахнулся я, хотя ноги все еще гудели от напряжения.

На душе стало приятно. Все в полицейском участке знали меня по имени и искренне радовались моим победам.

– Хватит трепаться, давай ешь, – хмыкнул Майк, а потом уже серьезно добавил. – Через месяц собеседование с Линднером. Надо его пройти.

– Сам знаю, – ошетинился я. – Может, мы с тобой порепетируем?

– Я тебе что, актриса какая-то? Запомни одну вещь – будь собой. Начальник сразу чувствует, когда юлят.

– Будь собой? – опешил я. – Что это за совет?

Мне нужно быть лучше! Иначе ни третьего этапа, ни специальной спортивной программы, ни клиники для мамы.

– Это единственный совет, который тебе поможет, – подвел итог Майк.

Когда мы попрощались, я сразу отправился в спортзал. И только после тренировки впервые за день посмотрел на телефон. У меня набралось три пропущенных вызова и одно сообщение от Йоханна.

Йоханн: Я жду тебя.

Черт, из-за отбора я совсем забыл, что сегодня пятница, и мы договаривались встретиться, чтобы пройти следующую миссию.

Ник: Давай в другой раз.

Йоханн: Чувак! Тебе вскружили голову мажоры в гимназии?

Ник: Нет. Мне нужно тренироваться.

Йоханн: Спорт твой никуда не денется. А вот я без тебя с армией орков не справлюсь.

Вот засранец. Знал, что был моим единственным другом и нагло пользовался этим.

* * *

– Мочи орков! – заорал Йоханн.

Он со всей дури нажимал по кнопкам контроллера. Я не отставал и рубил серых тварей, которые со всех сторон окружали нас. Хотя это была всего лишь компьютерная игра, уровень адреналина зашкаливал. Я старался не моргать и едва дышал.

– Прикрой меня слева! – крикнул я, но было поздно.

Контроллер от приставки завибрировал в руках, когда генерал вражеской армии насмерть пронзил копьём моего мага. Вот зараза.

– Ник! – взвыл Йоханн. – Твою налево! Как я должен заканчивать миссию без тебя?

Раздался стук в дверь. Неужели мы разбудили родителей? Комната, в которой мы играли ночами, находилась в подвале их дома и вроде имела неплохую звукоизоляцию. Родители

Йоханна оборудовали ее, когда в младшей школе он решил стать барабанщиком. Ударные давно пылились в углу, зато мы быстро нашли этому месту другое применение.

– Открыто! – крикнул Йоханн, продолжая лупить по контроллеру.

Когда пару секунд спустя ничего не произошло, я кинул свой контроллер на диван и поспешил распахнуть дверь, хотя мышцы от усталости свело и приходилось заставлять себя передвигать ноги. Таня, мама Йоханна, стояла на пороге. Это была невысокая полноватая женщина с мягкими чертами лица. Она неизменно улыбалась, много болтала на забавной смеси немецкого и русского и при любой возможности старалась всех накормить. Вот и сейчас она держала в руках огромный поднос, а на нем громоздились бутерброды и четыре бутылки с лимонадом.

– Я еду принесла, – сказала она с сильным русским акцентом.

Я забрал у нее тяжеленный поднос и отошел в сторону, пропуская в комнату, но она так и осталась стоять на пороге.

– Ага, – отозвался Йоханн, не оборачиваясь.

Битва на экране телевизора подходила к своей кульминации. Орки падали штабелями, а шкала жизни мага Йоханна таяла на глазах. Друг напряженно высунул кончик языка и весь скорчился над контроллером.

– Спасибо вам, – сказал я, снова поворачиваясь к Тане.

Она выглядела сонной. Еще бы, на часах давно перевалило за полночь. Ее темные волосы были плотно накручены на бигуди, а из-под синего халата выглядывала оранжевая пижама. Не удивлюсь, если она специально вылезла из кровати, чтобы сделать нам бутерброды.

Почему Йоханну так повезло с матерью? Зависть плотным кольцом сдавила грудь.

– Не засиживайтесь допоздна, – попросила Таня, хотя мы вдвоем знали, что в этой просьбе нет никакого смысла – мы с Йоханном будем резаться до тех пор, пока не отключимся прямо тут, на диване.

– Мам, мы не маленькие, – нетерпеливо сказал этот кретин.

– Для родителей вы навсегда останетесь детьми, – с улыбкой возразила она и оставила нас одних, закрыв дверь в комнату.

Проходя мимо Йоханна, я специально наступил ему на ногу.

– Эй! – отпрыгнул он в сторону, но глаз от телевизора не отвел. Везучий засранец.

Дождаясь, пока друг окончательно проиграет, я лопал бутерброды и в сотый раз проверял аккаунты Луизы в социальных сетях. Почему-то после того, как она на литературе зачитала свое определение любви, я не мог перестать думать о ней. Столько в ее словах было тоски. Причем очень понятной мне тоски – так я тосковал по отцу и по матери. Может, по матери даже больше, потому что она все еще была здесь.

На странице Луизы не было ни одного нового поста с прошлого Рождества, хотя раньше она как минимум раз в день постила новые фотографии. Вот она дурачится и делает вид, что облизывает щеку какой-то смеющейся блондинки, вот танцует на Хэллоуине в наряде развратной медсестры, вот гуляет по берегу моря в платье, похожем на тельняшку. Ее задницу и ноги я мог разглядывать часами. Иногда на фотографиях проскакивал Патрик из нашего класса, но я ни разу не видел их вместе в школе и не понимал, что именно их связывало.

Раньше Луиза была яркой, живой, сумасбродной – такой она мне нравилась гораздо больше, чем сейчас.

В двадцать минут пятого я протер глаза и поднялся с дивана. Йоханн отрубился около часа назад, я умудрился подремать около получаса и проснулся без будильника. Голова гудела, и я до хруста в шейных позвонках покрутил ей и потер затекшие мышцы плеч. Стараясь не шуметь, я прокрался на цыпочках по лестнице на первый этаж и вышел на студёный воздух. На седле велосипеда образовался иней. Я стер его рукавом куртки и поехал на работу в кофейню.

Ветер хлестал меня по щекам и трепал волосы. Через сорок минут я остановился перед кофейней, защелкнул замок на велосипеде и вытащил увесистую связку ключей. Холодный, промозглый ветер с реки Траве и темень вокруг мешали мне открыть стеклянную дверь – пальцы дрожали, а глаза не видели замочную скважину. Наконец справившись, я заскочил внутрь. Над моей головой зазвенел колокольчик. Я щелкнул выключателем, и теплый желтый свет залил небольшое помещение. Включил кофемашину, которая нетерпеливо зашипела, и огромную печь.

Перед дверью остановился грузовик, и я вышел на улицу, ежась на промозгом ветру.

– Привет, Марк, – окрикнул я плотного мужика. Тот уже всюю выгружал на тротуар ящики с полуфабрикатами, которые мне предстояло запечь.

– Привет! Держи! – Он всучил мне красный ящик, доверху набитый круассанами.

В половине седьмого в кофейню ворвалась семья с гурьбой маленьких детей – я даже не мог сосчитать, сколько их было. Отец купил столько хлеба и булочек, что они явно собирались провести как минимум год в открытом море. Это было и моей мечтой. Не сейчас, конечно, а лет через десять-пятнадцать. Я мечтал купить яхту и в любой момент выходить в море. Я мечтал быть самому себе хозяином. Стоять под парусом и прислушиваться только к природе.

Около десяти утра над дверью в сотый раз зазвенел колокольчик. Я поднял взгляд и обомлел. Прямо передо мной, закутанная в тридцать три одежды, стояла Луиза.

Глава 10

Лу

Я кипела от негодования и хотела что-нибудь сломать. Как все опять могло пойти по одному месту?

После случая в автобусе я пришла в себя лишь на рассвете следующего дня в больничной палате. Мама спала, свернувшись калачиком, на соседней койке. Папа спал, сидя рядом на стуле, и держал ее за руку. Страх за меня вновь их сблизил. И хотя я обрадовалась за них, в душе кольнула ревность – разве не около меня должен находиться папа?

Лечащий врач поставил диагноз: то, что со мной произошло в автобусе, оказалось панической атакой, а причиной для нее послужило посттравматическое стрессовое расстройство. Врач посоветовал как можно скорее обратиться к психотерапевту. По его словам, подобное состояние без помощи специалиста может затянуться на несколько месяцев, а то и лет.

Наверное, мне должно было стать легче от его объяснения, но все стало только хуже. Мама больше не закрывала глаза на мои ночные бдения и три последующих дня ходила по пятам, подсовывала откуда-то взявшиеся книги по психологии и постоянно спрашивала, все ли в порядке. Папа взял до конца недели отпуск за свой счет и предложил отправиться всей семьей на яхту. И вот мы были тут, и, вместо того чтобы побыть в тишине, мама пригласила к нам Мадлен.

Когда я выбралась к завтраку на палубу, то увидела на диванчике напротив мамы брюнетку в норковой шубке. Она держала чашку большим и указательным пальцем, оттопырив мизинец. Потирая глаза, я не могла взять в толк, кем была наша гостья.

– Доброе утро, – зевая, пробормотала я.

– Здравствуй, Луиза, – кивнула мне гостья.

Откуда она знала мое имя?

– Луиза, помнишь, я рассказывала тебе про Мадлен? – невинно спросила мама.

– Нет?

Я поежилась. Утро выдалось промозглым. Холод пробирался под куртку, не спасали и шарф с шапкой. На столе стоял чайник, три чашки, сахарница и молочник. Я налила себе чай и собралась вернуться в каюту, хотя в животе урчало от голода.

– Муж Мадлен регулярно покупает картины в моей галерее.

– Боюсь, что скоро ему придется купить еще один дом, чтобы обзавестись парочкой новых стен, – мелодично рассмеялась Мадлен.

Меня охватило нехорошее предчувствие. Мама никогда не проводила встречи с клиентами на яхте. Я сделала глоток обжигающе горячего чая, смотря на гостью поверх чашки.

– Мам, а где папа и Колин?

Мама сцепила руки на коленях.

– Пошли прогуляться. Нам с тобой нужно поговорить.

Желудок сжался.

– О чем?

– Мадлен – психолог. Она очень хороший специалист.

Я так крепко сжала свою чашку, что она того и гляди могла треснуть.

– Луизе нужна твоя помощь, – обратилась мама к Мадлен. – После смерти подруги она сама не своя.

Я в ужасе уставилась на маму.

– Не говори обо мне так, будто меня здесь нет! – взвилась я.

Мама вздрогнула, но через силу улыбнулась.

– Не повышай на меня голос, пожалуйста. Я всего лишь пытаюсь объяснить Мадлен твою ситуацию.

Пульс ускорился. Сердце лихорадочно билось в груди.

– Я тебя об этом не просила.

Мадлен успокаивающе подняла руки.

– Тебя никто ни к чему не обязывает, – начала она. – Мы просто поговорим. В работе с психологом нет ничего ужасного. Многие люди обращаются за помощью. Кто-то боится сделать важный шаг, кто-то считает, что не имеет права ошибаться, кто-то не умеет говорить нет.

Мама энергично закивала головой.

– Если не слушаешь меня, прислушайся к Мадлен. Тем более врач сказал, что надо...

– А вам не кажется, что такое я должна решать добровольно, а не вот так вот?! – перебила я и поставила чашку на стол.

– Луиза! – взвизгнула мама. – Я всего лишь хочу подтолкнуть тебя в нужном направлении!

Я не хотела слушать ни ее, ни Мадлен. Кто им дал право вмешиваться в мою жизнь, даже не спросив разрешения? Перебежала по палубе, прыгнула на пирс, игнорируя ступеньки, и бросилась к берегу, намереваясь доехать на автобусе до дома. Засунула руки в карманы, чтобы защитить их от лютого холода, и поняла, что у меня с собой не было ни телефона, чтобы позвонить папе, ни ключей, чтобы попасть домой. Только десять евро одной бумажкой и пачка одно-разовых носовых платков. Чертыхнувшись, я свернула к любимой кофейне «Морской волк», которая находилась в конце гавани. Там продавались самые вкусные круассаны на свете. Ну что ж, прежде чем возвращаться на яхту, можно было бы и позавтракать. Ругаться с мамой на полный желудок наверняка куда приятнее.

Подошла к зданию с панорамными окнами и дернула за ручку стеклянной двери. Лицо опалил жар и окутал запах свежее испеченного теста. Биение сердца немного замедлилось. Я зашла внутрь вместе со звоном колокольчика. У витрины подняла глаза на продавца и лишилась дара речи. Быть не может! За последние лет десять я бывала тут миллион раз, но Никласа никогда не видела.

– Кофе? – деловито спросил он, потом окинул меня критическим взглядом и покачал головой. – Или лучше ромашковый чай?

Я вопросительно изогнула брови.

– Ты такая красная, будто сейчас пар из ушей повалит.

Я фыркнула.

– Большой латте с карамельным сиропом. И круассан!

Я развернулась и потопала к любимому месту. Маленький круглый деревянный столик стоял прямо перед панорамным окном с видом на гавань. Усевшись боком к окну в большое кресло, обитое бархатом болотного цвета, я кинула шарф и шапку на соседнее кресло. Тепло кофейни еще не согрело меня, и куртку я решила не снимать.

Я пыталась смотреть на яхты, но мой взгляд неизменно возвращался к Никласу. Что заставило его работать здесь по выходным? Его джинсы и толстовка были самыми обычными, разве что кроссовки порядком поистрепались, но это же внешнее. Я ничего толком не знала про него. Ну, за исключением того, что он занял шкафчик Эммы и терпеть не мог литературу.

Никлас не мельтешил, поливая молочную пенку карамельным сиропом. Его движения были уверенными и плавными. Я начала успокаиваться и втайне даже получать удовольствие, наблюдая за ним.

Он подхватил кружку и тарелку с круассаном и пошел к моему столику.

– Милости прошу, – с легким поклоном сказал он, словно был моим дворецким. – Если понадобится, я за прилавком.

Никлас развернулся, и мне вдруг захотелось, чтобы он остался. Рядом с ним я могла отвлечься от проблем. Я оглядела пустую кофейню и спросила:

– Не присоединишься ко мне?

Он осмотрелся по сторонам. На его лице было написано сомнение.

– Я готова поделиться круассаном, – добавила я, разламывая его пополам.

– Ох, ну если так, то тогда конечно.

С легкой улыбкой на губах он сел напротив меня. Я разломала и протянула ему половинку теплого круассана. Нерешительно он взял ее и покрутил в руках. Почему, когда я приглашала его, мне не пришло в голову, что у нас нет общих тем для разговора? Не про погоду же нам говорить, честное слово!

– Плохой день? – спросил Никлас напрямик.

– Месяц, – криво улыбнулась я.

Темная прядка упала ему на лоб, и мне ужасно захотелось поправить ее.

– Хочешь поговорить об этом? Ну знаешь, как с водителем такси или безымянным барменом?

– Я же знаю твое имя! – улыбнулась я.

– Но не полное.

– М-м-м... Дай угадаю... – Я потерла большим и указательным пальцем подбородок. – Никлас Не-верю-в-вашу-дурацкую-любовь Райнхард?

Он подмигнул мне и откусил от круассана. Я последовала его примеру. Тесто хрустело во рту, шоколадная начинка разливалась сладостью на языке. Настоящее наслаждение. Я прикрыла глаза от удовольствия. А когда вновь открыла, заметила странное выражение на лице Ника. Он как замороженный смотрел на мои губы.

Когда я непонимающе пожала плечами, Ник протянул руку и, пробормотав себе под нос: «у тебя тут...», осторожно смахнул крошки с моей верхней губы подушечкой большого пальца. Прикосновение было едва заметным, но меня окатило волной тепла. Щеки запылали.

– Спасибо, – смутилась я.

Отпрянуть или податься вперед, безмолвно прося о ласке?

Колокольчик над дверью оповестил о новом посетителе, и я вздохнула с облегчением. Мы с Ником оказались слишком близко друг к другу, а сама я бы не смогла отодвинуться.

– Сейчас вернусь, – неожиданно осипшим голосом сказал он, не отводя от меня взгляда.

Я кивнула, подперла подбородок ладонью и наблюдала, как Никлас наливает кофе для морщинистого старичка в синем двубортном пиджаке – а потом надевает защитные перчатки, чтобы без особых усилий вытащить из печи позади прилавка противень с порцией свежих багетов. Ник заполнял собой пространство, притягивал мой взгляд. Он сдул прядку со лба, и я непроизвольно улыбнулась. Захотелось зарыться пальцами в его волосы и узнать, мягкие ли они на ощупь, а потом провести ладонями по его шее до широких плеч. Ник был ужасно привлекательным.

Боже, о чем я думаю?

Я подлетела к прилавку и, не дожидаясь, пока расплатится старичок, спросила:

– Сколько с меня?

Ник повернулся и стянул большие рукавицы.

– Я тебя угощаю, – сказал он.

– Не нужно! Это не свидание!

Я торопливо вытащила помятые десять евро из кармана куртки и кинула на прилавок. Никлас помрачнел, но к деньгам не притронулся.

– Сдачу оставь себе на чай, – бросила я и выскочила на улицу.

Мне нужно было убраться как можно дальше от кофейни, от вкусных круассанов. И от Ника, рядом с которым мне вдруг стало хорошо.

– Луиза! – окликнул он меня.

Я ринулась прочь от него по вымощенной серым камнем мостовой.

– Да постой же!

Даже не запыхавшись, он обогнал меня и остановился напротив. На лице ни единой эмоции, в карих глазах холод, от которого у меня мурашки побежали по спине.

– Ты забыла шарф и шапку, – спокойно сказал Никлас и протянул мне мои вещи.

Глава 11

Лу

– Основная проблема всех литературных героев – это неумение объясниться, – сказала фрау Вайс.

Она стояла у доски и держала в руках раскрытый учебник. Я наблюдала за ней сквозь опущенные ресницы. Настроение у меня было отвратительное. Вместо того, чтобы наслаждаться морем на выходных, я только и делала, что пряталась от мамы у себя в каюте и обходила стороной свою любимую кофейню. Мама и Никлас все испортили!

– Помните Фердинанда и Луизу из пьесы Шиллера, – продолжила учительница. – Что погубило их?

– Я думал, это была ревность, – удивился Оскар.

– Никакой ревности не было бы, если бы они нормально поговорили, – нетерпимо возразила Марта.

– Что же им помешало? – спросила фрау Вайс.

Я не пошевелилась. И была уверена, что Никлас, сидящий на последней парте, тоже. Когда он в начале урока зашел в класс, я демонстративно положила свой рюкзак на соседний стул. Больше Ник ко мне не приблизится.

Со всех сторон посыпались ответы:

– Гордость!

– Глупость!

– Давление отцов!

– Общественные нормы!

Фрау Вайс закивала.

– Каждый из вас прав, но мне кажется, что есть еще одна деталь, которую пока никто не упомянул. Думаю, дело в психологии.

– Э-э-э? – донеслось со всех сторон.

– Психолог бы им точно не помешал, – засмеялся Патрик. – Говорят, терапия неплохо работает.

Неужели нет других тем для разговора?

Фрау Вайс дружелюбно улыбнулась.

– Я имела в виду природную эгоцентричность людей. Обычно если нам что-то нравится, мы ожидаем, что и остальные люди придут в восторг. Если что-то категорически отрицаем, то предполагаем, что такого же мнения придерживаются другие. Очень часто мы вкладываем свои мысли в уста людей и даже не слышим, что они говорят. Нам кажется, будто мы знаем, как отреагируют другие и что подумают и о нас в том числе. – Она сделала паузу. – Наше проклятие заключается в том, что мы имеем привычку судить по себе.

В классе повисло напряженное молчание. Я приложила ладонь к сердечку на парте. Я упорно отказывалась идти к психологу, потому что пребывала в полной уверенности – он не скажет ничего нового. А что, если я ошибаюсь? Я закусила губу. Может, сеанс с Мадлен не такая уж и плохая идея?

Нет, нет, нет!

Не стану я изливать душу маминной подруге. К кому же тогда обратиться? На ум пришел разговор с фрау Вайс после каникул. Она упомянула школьного психолога. Почему я не вспомнила о нем раньше? Не зная, где его найти и как к нему попасть, я дождалась окончания урока и подошла к учительнице.

– Фрау Вайс, мне нужна ваша помощь.

Глава 12

Лу

Во вторник вместо урока истории я нерешительно переступала с ноги на ногу в маленьком кабинете с единственным окном на школьный двор. За столом сидела психолог – сухопарая женщина в свободном костюме песочного цвета. Светлые волосы были подстрижены до плеч, спереди чуть длиннее, чем сзади. Голубые глаза в окружении глубоких морщинок дружелюбно следили за мной.

– Прошу, присаживайся, – сказала фрау Кох.

Я села на краешек стула напротив ее стола и опустила на пол рюкзак, не зная куда деть свои руки. Я чувствовала себя неловко, не знала чего ожидать от этой встречи.

– Почему в кабинете нет кушетки? – спросила я.

– Ты бы хотела прилечь?

– Ну... – Я разгладила рукава белой толстовки. – Знаете, как на картинке, когда молодая мать двух детей лежит на кушетке в кабинете психолога, он спрашивает ее, зачем она пришла, а женщина отвечает: «Просто спокойно полежать».

Я нервно захихикала, дергая за тесемки на объемном капюшоне толстовки. Фрау Кох мягко улыбнулась.

– Тебе не о чем волноваться, – сказала она. – Я здесь для того, чтобы слушать, а не осуждать.

Очередной смешок застрял в горле. Я кивнула и сделала глубокий вдох. Засунула руки под попу, потому что не знала, как прекратить дергаться.

– Луиза, ты выглядишь изможденной. У тебя получается высыпаться?

– Да, – без раздумий ответила я, но тут же вспомнила совет классной руководительницы: «Оставайся предельно честной, только тогда тебе смогут помочь». – На самом деле, нет. Мне снятся кошмары.

– Они как-то связаны с гибелью твоей подруги? Ты ведь поэтому здесь?

– Да...

Во рту пересохло. Как же сложно все рассказать! Я бросила взгляд на дверь, испугалась, что мое желание сбежать было слишком очевидным, и быстро обернулась к нахмурившейся фрау Кох.

– Луиза, я не держу тебя насильно. Ты в любой момент можешь уйти.

– Ага...

Я схватила рюкзак и замерла. Зачем я бегу, если сама пришла сюда? Я облизала пересохшие губы языком.

– Меня мучает чувство вины.

– Это всего лишь чувство. Отражает ли оно действительность?

– Ну... Я думаю, что могла спасти Эмму.

Фрау Кох молчала, выжидательно смотря на меня. Я потерла рукой лоб.

– Ну... Я могла уйти, как мы договаривались, в десять. Тогда мы бы не спешили, может, поехали бы освещенной дорогой...

– Пьяницы не придерживаются ни расписаний, ни маршрутов, – спокойно сказала фрау Кох.

– Да, но... – Я закусила нижнюю губу.

Фрау Кох записала что-то в блокноте, лежащем на столе, и вновь посмотрела на меня.

– Расскажи мне про Эмму. Что ты любила в ней больше всего?

Я прикрыла глаза, представляя себе Эмму: высокую, с гордой осанкой, острым носом и плотно сжатыми губами.

– У нее был внутренний стержень. Знаете, такая нестигаемая сила воли. Что бы ни делали ее родители, она никогда не раскисала. Например, они никуда не отпускали ее. Даже на каникулах она была обязана помогать им в отеле. Но Эмма находила в этом плюсы: на скопленные чаевые собиралась поехать на год в Индию после выпускного. Была готова разругаться с родителями, а они бы точно ее непустили.

При мыслях об Индии мои глаза наполнились слезами.

– Почему именно это первым пришло тебе на ум? – спросила фрау Кох, возвращая меня в реальность.

Я заморгала, пытаюсь сконцентрироваться на ее лице.

– Ну... Наверное, потому что я никогда не была такой? Мы с Эммой дополняли друг друга. Ее стойкость и моя мягкость, ее целеустремленность и моя фантазия. За что бы мы ни брались, все удавалось на славу: рождественские вечеринки, Хэллоуин, дни рождения.

Перед внутренним взором промелькнули, словно кадры фильма, все проведенные нами вечеринки. И лицо улыбающейся и гордой Эммы.

– Как думаешь, почему вам обоим было важно организовывать какие-то мероприятия?

– Потому что это... хм... Мы как будто были всеильны. Еще школьницы, а уже подписываем бумаги с диджеями, музыкантами, заказываем рестораны. Сам герр Шредер прислушивался к нам! Знаете, Эмма была капитаном, я – ее старшим помощником. Любое море нам было по колено. А впереди – бескрайний горизонт возможностей.

Фрау Кох понимающе качала головой.

– А в какое путешествие вы собирались отправиться в следующий раз?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.